

Владимир Михайлович Голицын:

«Несостоятельность правительства и несостоятельность общества...»

Нина Хайлова

«Краеугольный камень – правда, правда во всем... Искать ее, добиваться ее, вносить ее с собою, выражать и проводить ее – вот истинная цель всех деяний наших, нашего труда», – эта запись в дневнике князя Владимира Михайловича Голицына (1847–1932), Московского губернатора (1887–1891) и московского городского головы (1897–1905), несмотря на пафосность, вполне адекватно выражает жизненное кредо автора, характеризует стиль его административной и общественной деятельности. Потомственный дворянин, представитель прославленного в российской истории рода, он появился на свет в Париже 10 июля 1847 года, на всю жизнь сохранив особое отношение к этому городу – «камертону мировой культуры», средоточию «всех лучей света человеческого просвещения».

Выпускник естественного отделения физико-математического факультета Московского университета (1869), Голицын превыше всего ценил научное знание. «Истинным своим призванием» он считал «определение растений и вообще флористику», с неослабевающим интересом занимался этим на протяжении всей жизни. В 1906–1907 годах он представил результаты собственных исследований на суд научного сообщества, опубликовав ряд статей в «Трудах Ботанического сада Императорского Юрьевского университета». Профессиональный интерес к ботанике сочетался у него с любовью к художественной культуре, а также с обширными познаниями в области истории и философии. Огромная эрудиция, вкус к раздумьям над проблемами человеческого бытия и путями общественного развития, тайнами природы и мироздания, – все это подкрепляло амбиции Голицына и как мыслителя, обеспечивало глубину и проницательность его взгляда на ход истории.

Определяющую роль «в судьбах народов и государств» В.М. Голицын отводил не «деяниям человеческим», а исключительно идеям («их развитию, последовательному росту, степени восприятия их народами»), полагал, что «эти идеи руководят народными вождями; и вождями они могут быть названы быть лишь постольку, поскольку они олицетворяют в себе и собою эти идеи». По его мнению, невозможно «искусственными преградами остановить рост и развитие идей, вмещающих в себя стремление к свету, к благу, регулировать их течение и распространение, установить для них нечто вроде цензуры», т.к. «это сила, подобная воздуху или воде, которая ничему не подчиняется». Среди подобного рода идей («идеи о правах личности, о свободе личности и собственности и многие другие») Голицын отводил центральное место «идее о прогрессе» как «истинном рычаге человеческого бытия» («жребий человека, лица и коллективности – развиваться, совершенствоваться, просвещаться... противодействие этому, борьба с этим превышают силы человеческие»). Заявляя о своей вере в прогресс («вере абсолютной, не допускающей принципиального сомнения в его силе, какие бы единичные факты ни показывали противного»), он считал служение прогрессу «истинной задачей общественного и государственного деятеля...»

«А что мы видим у себя? – восклицал Голицын. – Отрицание прогресса, самой его идеи, желание бороться с нею... Какая праздная мечта! Думающие так справедливо видят в прогрессе источник или начало кризиса и переворота, но нельзя победить его борьбою, а можно только руководить им». «Идеалы человечества должны быть впереди, а не позади, – убежденно заявлял князь. – Объект этих идеалов, их цель – созидание будущего, а не воскрешение прошлого, стремление вперед, а не задержка сзади. Мы призваны жить и работать с живыми людьми и для них, а не для мертвых и с ними. А многие не хотят это понять. ... Мы упрямо держимся своей слепоты и продолжаем верить в какие-то фантастические палладиумы, вроде русского строя, русской самобытности. Полнейшая негодность всего этого ясно

доказана, и держаться этого – значит идти навстречу новым кризисам, еще более сложным, еще более острым».

В.М. Голицын указывал на «истинное значение повсеместного общественного движения», которое «уже не простое отрицание, не стремление к разрушению, а одушевлено желанием, – и это-то и создает его силу – новых форм общества и государства». Глубокое впечатление на него произвела теория Г. Спенсера «об аналогии общества и государства с живым организмом». Сторонник общественной солидарности, князь выражал стремление «обстоятельно изучить» явление, «происходящее во Франции и носящее название *mutuality* (и по-русски подходящего слова нет!)». По его мнению, данное явление свидетельствовало о выработке «общественно-экономического начала, рационального и правильного, на котором создадутся постепенно формы будущего строя, общественного и государственного».

Голицын был убежден в том, что защита прав и свобод личности ни в какой мере не противоречит заботе об «общем благе», причем общее дело – выше частных, групповых интересов, а потому «сила – в единении», поскольку личность есть не что иное, как орудие в руках судьбы, «а все делается и совершается либо трудом коллективным, либо силою обстоятельств, не зависимых от воли человека». Заявляя о том, что «будущее – удел социализма», князь выражал «глубокое сочувствие» к одной из «формул» этого учения – «возможно бóльшее благо для возможно бóльшего числа людей», в которой, по его словам, заключалась «высочайшая цель человеческого труда, деятельности государства, общества и отдельного лица». Вместе с тем, он полагал, что все предлагаемое социалистами для применения на практике этой «формулы» является «либо исключительно теоретическим, безжизненным, либо исключительно же отрицательным, разрушительным». «А и то и другое одинаково противоречит самой задаче, ибо она имеет целью – жизнь, бытие, реальное. Много пройдет времени, пока это не выработается», – предвидел Голицын.

За несколько лет до революции 1905–1907 годов он свидетельствовал о возрастании самосознания русского народа, считал первоочередными задачами внутренней политики аграрно-крестьянский вопрос, меры по развитию народного образования, обеспечение «безусловного равенства» для всех в сфере правосудия. Признавая важность духовной составляющей в общественных преобразованиях, Голицын был убежден в том, что «должно стремиться к примирению веры с разумом на почве религиозного самосознания». Главным условием для этого он считал «предоставление широкого простора разуму, а, стало быть, и знанию», а следствием – «право индивидуализации религиозного самосознания», которое нельзя «замыкать в тесные, раз навсегда установленные, неподвижные рамки». Вместе с тем, оценивая состояние церковной организации в России, князь приходил к заключению, что «появление нашего Лютера не должно долго себя заставить ждать», поскольку «церковное управление дошло у нас до состояния полного упадка и разложения».

В.М. Голицын критически относился к русской аристократии, чиновничеству. Он выражал сомнение в готовности верховной власти к осуществлению ее исторической миссии, указывал на отсутствие последовательности в деятельности правительства («система обратного хода»), его пристрастие к полумерам. Характеризуя опасную традицию отношения «верхов» к общественности, князь замечал: «История России есть борьба царской власти с Россией... Во все эпохи, за весьма немногими исключениями, обществу отказывалось в какой бы то ни было самостоятельности, всякие ее проявления считались чуть не революцией». В дискуссиях на тему о том, «обязана ли Россия своей силой самодержавию, или она создалась несмотря на это», Голицын склонялся к последнему варианту ответа. Он не считал «образ правления случайным явлением, не имеющим органических связей с характером, духом и потребностями народа». По его мнению, пример Германии и Америки свидетельствовал о том, что «образ правления вырабатывается народом на своих исторических

основах и, в силу этого, он представляет прочную гарантию народного строя, народного развития и культуры». «Когда же образ правления создается самим правлением, ради его собственных, личных так сказать потребностей и интересов, без внимания к характеру народа, то является царство произвола, случайности, грубой силы или столь же грубого бессилия», – подобным образом Голицын объяснял происхождение самодержавия.

Князь негодовал по поводу распространенного мнения о том, «будто бы русский народ не дозрел до какого бы то ни было политического строя»: «Да при царствующем режиме он никогда до этого не дозреет! Отсутствие всякого гражданского воспитания и боязнь его, неуважение к закону, к личности и к собственности, систематически проводимое в нашу жизнь ради охраны общественной – читай, своей собственной – безопасности, страх перед всяким просвещением и развитием, полицейская опека над каждым шагом – да разве все это может воспитать народ, может ли породить в нем что-либо иное, кроме озлобления, ненависти. И притом тупых, диких? Великий грех лежит на тех деятелях, которые на этом основывают государственный быт наш».

Сравнивая переживаемую Россией эпоху с периодом накануне Великой французской революции, Голицын приходил к выводу о неизбежности революции в России, сочувствовал росту общественного недовольства правительственной политикой («гражданские права народов завоевываются ими самими и не даются извне»), одобрял, в частности, деятельность П.Б. Струве как издателя журнала «Освобождение». В 1900 г. он заявлял о себе как стороннике конституции. Выражая поддержку идее конституционной монархии, князь критически отзывался о «монархиях единоличных», в которых «преобладание всегда имеют ничтожные люди из-за своей угодливости и удобства обращения с ними, особенно же когда глава – ничтожество». «Как ни много недостатков заключается в парламентаризме, а все же он предпочтительнее всяких охран, единых властей и прочих прелестей нашего режима», – указывал он, полагая, что незавершенность

выработки «окончательной формулы народовластия, даже в Англии», нисколько не умаляет достоинств парламентского строя.

«Культурный багаж» В.М. Голицына, искренность и порядочность, активная гражданская позиция определяли притягательность его личности в глазах многих окружающих, способствуя в т.ч. и служебным успехам. Камергер (с 1888 года), действительный тайный советник, он посвятил свои труды обустройству московского управления и самоуправления. В 26-летнем возрасте, будучи избранным гласным московской городской думы, Голицын продолжал исполнять эти обязанности на протяжении 35 лет (1873–1908), участвуя и в работе губернского земства. Солидный опыт был приобретен им на посту московского вице-губернатора (апрель 1883 – май 1887 года), затем – губернатора (май 1887 – декабрь 1891 года).

Многообразием и насыщенностью всегда отличалась общественная деятельность Голицына: почетный мировой судья в Москве (1894–1908), он был инициатором образования, членом и главой многих благотворительных заведений, разного рода комитетов и обществ: председатель Попечительского совета Третьяковской галереи (с 1899 года), товарищ почетного председателя Комитета по устройству Музея прикладных знаний (Политехнического) в Москве (с 1895 года), член Попечительских советов Московского городского народного университета имени А.Л. Шанявского (председатель – с 1912 года), Высших женских курсов, Мазуринского приюта, член Комиссии по устройству Бахрушинского приюта-колонии и др.

«Звездным часом» В.М. Голицына стало пребывание в должности московского городского головы – с апреля 1897 года до конца октября 1905 года. Его стараниями была проведена широкомасштабная модернизация городского хозяйства (водоснабжение, канализация, транспорт и др.), обеспечены рост и качественное обновление социально-культурной сферы (здравоохранение, общественное призрение, образование, культура). С конца 1890-х годов муниципальные предприятия впервые стали доходными. По инициативе Голицына к 1901 году был реконструирован Мытищинский

водопровод, а в январе 1904 года завершено сооружение нового, Москворецкого, водопровода (с целью усиления санитарного контроля за качеством воды с октября 1903 года велась работа по установке английских фильтров). Приметой того времени стало расширение и муниципализация трамвайной сети, осуществлялся переход с конной тяги на электрическую. Развитие городских железных дорог происходило с учетом расселения москвичей и удобства сообщения между разными районами Москвы. С его именем связана реконструкция старых и строительство новых мостов, постепенная замена керосиновых фонарей электрическими и газовыми, появление (в 1890 году) нового московского района – Сокольники. В 1903 года Дума ввела бесплатное лечение для постоянных жителей Москвы. При Голицыне же впервые было обеспечено всеобщее начальное образование для москвичей, создана сеть бесплатных городских библиотек. Во многом финансирование городских программ осуществлялось за счет частных пожертвований. Причем приток этих денег в городскую казну был самым большим именно при Голицыне, благодаря его авторитету среди деловой элиты. Немалые заслуги принадлежат ему и в развитии музейного дела в Москве. В частности, Голицын способствовал принятию П.М. Третьяковым решения о передаче Москве своей знаменитой галереи. Под руководством Голицына как попечителя галереи, была проведена реконструкция здания, воздвигнут ныне существующий фасад по проекту В.М. Васнецова, коллекция пополнилась картинами. Галерея работала 300 дней в году, посещение ее было бесплатным.

Даже этот, далеко не полный, перечень заслуг В.М. Голицына, как городского головы, характеризует его как действительно эффективного менеджера, руководившего восемь с половиной лет Москвой, которая уже в то время являлась «городом-миллионником». Князь представлял собой новый, не характерный для России, тип администратора, выкристаллизовавшийся на рубеже XIX–XX веков как закономерный ответ общества на вызовы времени. Его стараниями Москва превратилась в «рассадник» передового опыта

городского самоуправления. По словам Голицына, даже во «враждебных» ему сферах (к ним принадлежал, например, московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович), признавали, что он «небывало высоко поднял престиж городского управления». Московская городская дума, в знак заслуг своего руководителя, в ноябре 1905 года избрала его почетным гражданином города Москвы, заказала В.А. Серову портрет Голицына, размещенный впоследствии в зале заседаний Думы (время создания картины, согласно дневниковым записям князя, – с 1 декабря 1905 года по 17 апреля 1906 года). Выйдя за пределы хозяйственных полномочий, Московская городская дума превратилась тогда в один из центров либеральной оппозиции в России.

«Фирменный» деловой стиль В.М. Голицына обусловил и его характерные черты, как политика. Прежде всего, это – безусловное отрицание авторитарных методов руководства. Определяя основные черты своей «натуры», неизменные со времени «самой далекой, самой ранней юности», сам князь заявлял: «Всеми силами души своей я ненавижу деспотизм, какой бы он ни был, откуда бы он ни исходил и в чем бы и как бы он ни проявлялся, деспотизм государственный, анархический, личный и всякий иной. Ненавижу я мрак, произвол, злобу, вражду, безразлично какого бы ни были они происхождения и в чем бы они ни проявлялись. Наоборот, безгранично – скажу безумно – люблю я свободу, знание, свет, дарование, поэзию».

«“Поменьше опеки, побольше свободы и самостоятельности” – вот что должно бы лежать в основе нашей жизни и нашего развития!» – эти мысли князя В.М. Голицына звучат рефреном на страницах дневника, который он вел в течение шестидесяти семи лет (с 1865 года). Современники отмечали, что Голицын предпочитал строить свою управленческую деятельность на основе предоставления широкой инициативы и полномочий гласным Московской городской думы, благодаря чему «при нем общественная работа развивалась больше, чем при его предшественниках». Он соглашался с определением его как «человека компромиссов», полагал, что это «один из лучших

комплиментов, какой можно сделать общественному деятелю», поскольку «вся эта деятельность зиждется на соглашениях, и это мы видим в любом парламенте, но почему-то у нас вкоренено предубеждение, что компромисс есть сделка, не всегда чистая... Это совершенно неправильный взгляд на дело, и своим опытом и своим примером я показал, что путем своевременных компромиссов можно многого достигнуть и с успехом. А ломать копыя, рубить с плеча – никогда не ведет к цели». В то же время князь предостерегал соратников от тяготения к «золотой середине», которую трактовал как «приверженность к полумерам, чтобы не сказать к посредственности».

Категорически неприемлем для Голицына был взгляд на служебные обязанности как на «способ к прислуживанию, карьере, к материальным выгодам». Он признавал своей заслугой на посту городского головы умение «парализовать зловерное течение», когда «коллективный труд отравляется личными соображениями, интересами, страстями даже..., а самое дело, во имя которого этот труд предпринят, как бы отодвигается на задний план». Для него, всегда придерживавшегося правила «быть, а не казаться», понятия идейности, принципиальности, порядочности, патриотизма обозначали не «парадные» ценности, а были наполнены глубоким смыслом.

Пик политической деятельности В.М. Голицына совпал с подъемом освободительного движения в России, начиная с осени 1904 года. Для него не подлежало сомнению, что спусковым крючком революции 1905–1907 годов послужила русско-японская война («преступная, безумная эпопея»). Еще в 1890-е годы он предсказывал неизбежность переворота («в смысле свободы и падения чиновничьего самодержавия и произвола»), вследствие «толчка извне». По мнению Голицына, военная ситуация диктовала правительству необходимость вступить «на путь требуемых реформ и громко призвать все общество к содействию и труду в этом направлении». «Мы забыли уроки истории, – замечал князь, – а они нам говорят, что во всякой войне побеждает тот, у кого дома все в порядке». Голицын тяжело переживал сведения о потерях русской армии, в мае 1905 года был потрясен гибелью 2-й

Тихоокеанской эскадры под командованием контр-адмирала З.П. Рожественского (хотя и признавал, что «иначе быть не могло»): «Я не мог читать подробности. Сколько погибло молодежи, здоровой, начинающей только жить!... А находятся люди, которые стоят за продолжение войны. Слепцы или безумцы – трудно определить». В связи с разразившейся трагедией, Московская городская дума приняла («громادным большинством») резолюцию «о немедленном созыве представителей». «Черноморские события показывают, до чего развращены наши ведомства, военное и морское. Такого позора нигде и никогда не было», – записал вскоре Голицын, уже в связи с восстанием на броненосце «Князь Потемкин Таврический» в июне 1905 года. Он считал долгом Московской городской думы организацию помощи больным и раненым воинам, а также выдачу пособий их семьям, сам лично явился одним из создателей приюта для беспризорных детей, оставшихся сиротами.

В период русско-японской войны значительно усилились антивоенные настроения Голицына. Разделяя уверенность в том, что «мир – это правило народной и международной жизни, а война – исключение», он заявлял о себе как об «убежденном пацифисте». «Только один род войны, или, скорее – борьбы, я допускаю, – писал князь. – Это восстание народа во имя свободы и самостоятельности». По его мнению, категорически неприемлем взгляд на войну как «орудие цивилизации», движущую силу общественного развития. Глубокое возмущение вызывала у него трактовка изобретений новых «орудий смерти», как свидетельства прогресса. «Какое издевательство! Какая глупая насмешка над здравым смыслом! – восклицал Голицын. – Неужели знание, изобретательность, труд человеческий могут иметь подобные цели?... Как понимаю я психологию Нобеля, основавшего крупную премию во имя мира из раскаяния об изобретении динамита. Это высокогуманитарная черта, достойная подражания...»

Оспаривая выдвижение историками на первый план «войн, разбоев, придворных интриг, светских мелочей», Голицын призывал «отрешиться от

этих обветшалых взглядов, противоречащих разуму человеческому и чувству справедливости», и признать, что «истинная летопись человечества» заключается в «умственной жизни народов и отдельных людей, истории просвещения и прогресса». Этим объяснялась его особая тяга к изучению трудов по истории литературы и науки, а также биографий «великих мыслителей, творцов слова и тружеников науки». «Я люблю всех, кто трудился над развитием умственной жизни, просвещением и совершенствованием человечества и водворением счастья, света и свободы, и, наоборот, ненавижу всяких завоевателей, героев народных эпосов, слава которых окрашена кровью, – писал князь. – Исключение одно – Наполеон, но в нем я вижу олицетворение идеи обновления отжившего мира».

В декабре 1908 года, по предложению кн. Пав.Д. Долгорукова, В.М. Голицын вступил в Лигу мира. Свои надежды в деле установления «всеобщего мира» он связывал не с «правительственным почином вроде Гаагского конгресса», а, прежде всего, с широкой проповедью антимилитаризма в народных массах («тогда все эти вооружения и ополчения сами собою падут»). «Но пока судьбы народов и стран находятся в руках чиновников и фельдфебелей, такого не дождешься», – признавал он.

«Я не верю в нашу мощь, в наш разум, не верю, поэтому, в нашу победу, но душа болеет и терзается при виде того, до чего довели бедную, многострадальную Россию, в какую пропасть втолкнули ее мнящие себя патриотами вершители ее судеб. И вот в этой боли, в этих душевных терзаниях звучит моя любовь к родине как идее, как представлению о чем-то близком, дорогом, что исковеркано, испорчено, развращено, в чем все хорошее, все святое нарушено, сломано», – выражал Голицын свое понимание патриотизма. Не раз впоследствии возвращаясь к данной теме, он утверждал, что «патриотизм – это то, чего у нас нет, что из нас исчезло, т.е. любовь к Отечеству, как идея, стремление видеть его счастливым, растущим, совершенствующимся, сильное содействие ему, самоотверженное и идейное, и т.д. Долгие годы под словом патриотизм разумелась слепая

приверженность к существующему строю, воплощение его в носителях этого строя, смешение идеи об Отечестве с идеей о власти. Когда эта власть, этот строй показали полную свою несостоятельность, этого рода патриотизм исчез, а настоящего, идейного, истинной любви и привязанности к родине налицо не оказалось. В нас не воспитывали патриотов, а плоды этого мы видим теперь...»

Голицын заявлял о том, что в нем «нет и тени» патриотического чувства в смысле «возвеличения своего отечественного и, рядом с этим, унижения и даже отрицания всего чужого». Не приемля подобного рода «мелочный патриотизм», он склонялся к тому, что «в нас первенствовать должен не гражданин, а человек, не патриот, особенно в узком смысле этого слова, а филантроп в смысле любви к человечеству». «Сама жизнь народная и международная выдвинет на первый план интернационализм, равенство и братство народов», – выступал Голицын с предсказанием. Разъясняя свою позицию, князь подчеркивал, что этим вовсе не исключается любовь к Отечеству, «служение ему до самопожертвования». В то же время, задаваясь вопросом, «справедливо ли называть антипатриотизмом то чувство озлобления, презрения, которое мы (говорю я не об одном себе) чувствуем по отношению к современной России, к ее положению, до которого ее довел многолетний режим, слепота и эгоизм», Голицын приходил к выводу о том, что «презрение к строю современному есть симптом искренней любви к Отечеству». Характеризуя «уродства так называемого патриотизма», Голицын обращал внимание на то, что «патриоты эти жмурят глаза перед действительностью и не видят, что она поставила Россию на край гибели, чему этот патриотизм немало способствует». «Я могу назвать себя антипатриотом в том смысле, что ненавижу этот режим и введших и поддерживающих его, а патриотом в том, что беспредельно люблю Россию, но ту, которая представляется мне в моих идеалах. Из сопоставления этих двух чувств проистекают жестокие душевные страдания», – эта мысль не раз звучала на страницах дневника князя.

Подчеркивая важную роль русско-японской войны в разрастании революционной Смуты, Голицын, вместе с тем, был убежден в том, что революция явилась, прежде всего, закономерным итогом внутренней политики Александра III и Николая II. По его словам, «ошибаются те, кто видит в охватившем нас общественном движении нечто случайное, вызванное беспокойными умами или преступными внушениями. Движение это есть неизбежный логический плод царствовавшего у нас в течение 24 лет режима». За исключением «первых годов Александра II», Голицын определял историческую роль русских самодержцев как «отрицательную, вредоносную, противную смыслу, истории, реальным потребностям России». И впоследствии Голицын не изменил своего мнения о причинах революции: «Смешно и грустно вспоминать теперь разговоры и суждения об устоях, о земле и проч. Эти “устой” показывают теперь себя, и горько ошибаются те, кто воображают, что переживаемые нами явления – плоды пропаганды, агитации. Это прямые результаты векового режима, который царствовал у нас, но, главным образом, того, который водворился за два-три последних десятилетия». Высоко оценивая Великие реформы 1860-х годов, он замечал: «С той минуты, когда Россия, двинутая было в одном направлении к свету и свободе, насильно повернута была по обратному пути и последовательно тащилась по нем чиновничьими руками, нельзя было не предвидеть, к чему и куда это приведет... Можем ли мы обвинять молодежь, профессоров, учителей, когда сами мы их развратили? Можем ли порицать земцев и общественных деятелей, когда мы же их сбили с пути? Надо взглядеться, как жили мы, особенно с 1881 года, под каким гнетом нас держали, как умышленно заграждали всякий свет во имя благонадежности или усиленной охраны. Вот и пожинаем мы теперь плоды всего этого, и удивляться тут нечему...»

«После царствования Александра II, понимавшего, что надо идти в уровень своего времени и его требований, последовало царствование тупого эгоиста, в свою очередь замыкаемое бесхарактерным мистиком, не знающим,

что делать и куда идти. Это последнее совершенно объясняет все то, что ныне происходит у нас и чему выхода нет, кроме радикальной перемены всей системы правления», – такой представлялась В.М. Голицыну внутренняя логика развития драмы российской истории в пореформенный период. «Радуются рождению Наследника. Напрасно...», – предрекал он еще в 1904 году.

«Был у нас Николай первый, теперь у нас Николай последний», – в этой «остроте, привезенной из Петербурга», В.М. Голицын видел «удачное отражение настоящего нашего положения и будущности». «Наш убогий Государь», «тщедушный и двуличный монарх», – таким предстает на страницах дневника образ последнего российского императора. «Наше несчастье в том, что неограниченная власть находится в руках более чем ограниченного человека», – подчеркивал Голицын трагизм ситуации.

«Продвинуть дело обновления во имя свободы настолько далеко, чтобы возвращаться уже нельзя было», – на подъеме революционной волны в 1904–1905 годах именно в этом В.М. Голицын видел гарантию от возврата к «прежней “охране” со всякими ее прелестями». По мнению Голицына, «небывало благоприятная минута для поворота к свету» настала при министре внутренних дел кн. П.Д. Святополк-Мирском. Приветственная речь московского городского головы в его адрес, произнесенная в думе 21 сентября 1904 года, вызвала широкий общественный резонанс и «громадное возвышение» авторитета Голицына. «Похоже, на то, что я дал толчок весьма крупному движению», из которого, «будь оно единодушным и общим, что-нибудь и выйдет», – замечал он, последовательно и с нарастающей энергией продолжая продвигать идею о необходимости конституции и созыва народных представителей через Московскую городскую думу, на земско-городских съездах 1904–1905 годов, в обращениях к представителям верховной власти.

Особую роль в истории русского освободительного движения начала XX века сам В.М. Голицын отводил акции Московской городской думы, состоявшейся 30 ноября 1904 года. Тогда группа прогрессивных гласных

(при поддержке городского головы) внесла на голосование документ («заявление 44-х»), содержащий демократические требования (ограждение личности от внесудебного разбирательства, отмена исключительных законов, обеспечение свободы совести, вероисповедания, слова, печати, свободы собраний и союзов), в т.ч. пожелание «провести вышеуказанные начала в жизнь на обеспечивающих их неизменность незыблемых основах, выработанных при участии свободно избранных представителей населения; установить правильное взаимодействие правительственной деятельности с постоянным, на законе основанным, контролем общественных сил над законностью действий администрации». Выполняя предложение гласных довести до правительства мнение Думы по вопросам, которые она считает неотложными, В.М. Голицын направил министру внутренних дел уведомление о постановлении, принятом московским городским самоуправлением 30 ноября 1904 года.

Инициатива московских гласных получила масштабную общественную поддержку. Солидарность с принятыми резолюциями выражали многие города, объединения интеллигенции. В письмах и телеграммах на имя В.М. Голицына его называли «поборником лучших начал самоуправления», «светлым борцом чести и правды». В свою очередь, со стороны властей последовала негативная реакция на почин Московской городской думы. Московский губернатор Г.И. Кристи приостановил постановление Думы, которое было передано на рассмотрение в губернское по земским и городским делам Присутствие, отменившее постановление как «превышающее круг ведомства городского самоуправления». Данное решение Присутствия было, в свою очередь, отменено 24 января 1906 года указом Правительствующего Сената, куда Голицын отправил жалобу на вердикт губернского Присутствия. Министр внутренних дел А.Г. Булыгин (доводившийся Голицыну свояком) предписал московскому градоначальнику предупредить князя о возможности привлечения его к уголовной ответственности за должностные преступления. Однако министру не удалось

напугать городского голову. В письме Булыгину Голицын не скрывал своей уверенности, что «Московская Городская дума не останется равнодушною ко всему происходящему в настоящую минуту». Осознавая свою ответственность «за течение дел в Московской думе», князь указал Булыгину на «неизбежность... возникновения в составе Думы... вопросов и стремлений», касающихся государственного устройства, которые он будет допускать к обсуждению. Активная деятельность Голицына по отстаиванию думского решения не увенчалась тогда успехом. Впоследствии он неоднократно вспоминал акцию городской думы, как упущенный верховной властью шанс «мирного обновления» России: «О, если бы правительство послушалось нашего постановления 30 ноября 1904 г. и тогда еще принялось честно и откровенно созидать народное представительство. Картина теперь была бы совсем иная! Во всем, что происходило с того времени и что происходит ныне, оно одно виновато, а отнюдь не общественные деятели...»

«Что́ бы было, если бы вместо платонического постановления городской думы 30 ноября, в то время введена была настоящая конституция? – размышлял Голицын вскоре после роспуска Первой Думы. – Я уже не говорю о более ранних эпохах, когда такой шаг был бы естественным развитием реформ Александра II и когда конституционный строй “исторически” сложился бы на наше благо. Я глубоко убежден, что даже 1 ½ года тому назад такая конституция, т.е. парламент и ответственное правительство, могла бы быть якорем спасения нашего». Голицын не раз подчеркивал, что именно осенью 1904 года «была минута», благоприятная для осуществления «издавна лелеянного» им идеала («конституции»), но «мы ее проглядели и притом мы все». Он обвинял «верхи» в нежелании и неумении вовремя привлечь к совместной работе общественных деятелей («умеренных и знающих»): «правительство предпочло втолкнуть всех нас, без разбора, в ряды опасных, неблагонадежных, чуть не революционеров».

«Мы вступаем в эру анархии и революции и двигаемся в ней исполинскими шагами», – записал Голицын 4 января 1905 года. Анализируя

события начала этого года, он замечал, что «толки о Земском соборе» (законосовещательном народном представительстве) никого не удовлетворяют, «ибо одни находят, что это слишком много, другие что слишком мало». «По-моему, лишь бы и это осуществилось, а там само собою выработается и создастся нечто очень крупное», – выражал князь свою приверженность «мирному обновлению», эволюционному пути развития.

Вместе с тем, государственные акты 18 февраля 1905 года (Манифест, указ Сенату и Высочайший рескрипт на имя министра внутренних дел А.Г. Булыгина, в котором объявлялось о намерении «привлекать достойнейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений») Голицын характеризовал как «набор громких, но пустых фраз». Несмотря на отсутствие у «верхов» серьезного настроения на перемены, его не покидала надежда на осуществление «мечты о народном представительстве»: «Надо схватиться за даваемое и поднять такой вихрь, какого еще у нас не было видано, какой потом задержать или остановить нельзя будет никакими мерами...»

«Мир [с Японией] и широкая свобода внутри», – на этих путях Голицын видел улучшение ситуации в стране. 11 марта 1905 года он возглавил депутацию, представившую А.Г. Булыгину ходатайство Московской городской думы о том, чтобы в состав Особого совещания для разработки положений о всероссийском выборном учреждении были включены выборные представители от Думы, а у печатных изданий была возможность свободного обсуждения вопросов, рассматривавшихся в Совещании.

Современники также ставили в заслугу В.М. Голицыну то, что на Общероссийском съезде городских деятелей (Москва, 15–16 июня 1905 года) он, в качестве председателя, поддержал обсуждение еще не обнародованного тогда проекта «булыгинской» Думы. На съезде впервые было публично произнесено: «конституция». В резолюции признавалось неотложным

«введение в России народного представительства на конституционных началах, т.е. предоставление народному представительству решающего голоса в вопросах законодательства, государственного бюджета, об ответственности министров и контроля над действиями администрации, а равно права законодательного почина». Кроме того, документ содержал требование немедленного введения неприкосновенности личности, жилища, свободы слова и печати, права союзов и собраний, а также восстановления в правах всех лиц, пострадавших за свои политические и религиозные убеждения. По поручению участников съезда, Голицын представил принятые постановления в Совет министров и «на Высочайшее Государя Императора благовоззрение», однако это не повлияло на решения верховной власти.

«Свобода есть право каждого жить и действовать без нарушения чужой свободы и без ущерба общественному строю, в свою очередь, свободному», – такова, по словам Голицына, «основная формула общественного быта», которая должна определять государственную политику. «Чем более личность находится под опекой, тем народы неразвитее и благосостояние идет по ложному пути», – отмечая данную закономерность «во всех странах и во все эпохи», он считал наиболее показательным пример двух «народов, стоящих во главе человечества» – Англии («обеспечившей свободу личности еще в средние века») и Америки («сделавшей то же в более новейшие времена»). Князь видел еще одно объяснение передовых позиций англичан и американцев – в их особом отношении к своему прошлому: «традиции у них есть, но они не стесняют их, или, скорее, они ими не стесняются...»

В то же время Голицын с досадой отмечал особенность «развития нашего мирозерцания»: «в воспитании молодых поколений отличительную черту составляет стремление сохранить прошлое, какой-то предвзятый традиционализм, а вовсе не будущее, не подготовка себя и других к нему. Мы не решаемся сказать себе, что продолжение прошлого невозможно, что жизнь идет вперед, предъявляет все новые и новые требования, на которые

мы должны быть готовы ответить, а удовлетворять этим требованиям с устарелыми средствами прошлого нельзя...»

В конце августа 1905 года, приветствуя подписание мирного договора с Японией («гора свалилась с души, кошмар исчез»), В.М. Голицын обращал внимание на то, что война «сослужила большую и благодетельную службу России: она раскрыла нам глаза на самих себя», произвела «пертрубацию в умах». Вместе с тем, князь испытывал тревожные предчувствия по поводу того, сумеет ли, с одной стороны, общественность воспользоваться сложившейся в результате войны ситуацией, а, с другой, – «захотят ли там, чтобы мы этим воспользовались».

В конце сентября 1905 года, констатируя нарастание «брожения» в стране, он выражал серьезную тревогу по поводу будущего: «Отшатнув от себя умеренных прогрессистов-земцев, правительству теперь не на что опереться... Никто из нас не может предвидеть, к чему все это идет и чем оно разрешится». «Теперь уже идет не борьба против правительства, неспособного и несостоятельного, а междоусобие общества», – отмечал московский городской голова опасную тенденцию «вползания» страны в гражданскую войну. «Удивляешься при виде того, как у нас не умеют или не хотят понять, что свобода и обеспечение личности есть главная, если не единственная основа государственного и общественного благосостояния. Раз это установлено и прочно, все остальное на этой основе вырастет и разовьется. У нас же царствующий режим направлен на то, чтобы подавить личность, не выпускать ее из-под опеки, опутывать ее требованиями безопасности, охраны, благонадежности, т.е. делать из личности игрушку произвола, самого дикого, самого бессмысленного. Не замечают, что государство составляется из людей, а раз эти люди обращены в ничто, то и государства нет», – записал Голицын в дневнике в октябре 1906 года.

Известие о Манифесте 17 октября 1905 года В.М. Голицын встретил с огромной радостью («Конституция обнародована!.. великий день для истории... возврата к прошлому нет») и, одновременно, – с тревогой за

будущее («надо поскорее опомниться, возвратиться к спокойствию и самообладанию и безотлагательно взяться за труд»). Однако надеждам не суждено было сбыться. Уже 19 октября Голицын констатировал: «Общее настроение вместо радостного сделалось снова весьма тревожным, благодаря усилиям революционных партий... Манифест уже как-то отодвинут в мыслях на второй план...» И следом (21 октября) – буквально крик души: «Неужели наше общественное сознание так расшатано, что мы уже не в силах твердою ногой стать на открытый путь и следовать ему? Неужели мы способны только на предъявление требований, на гоньбу за идеалами, на отрицание, а раз требования получили удовлетворение, идеалы готовы осуществиться, дело принимает положительную форму, хотя быть может неполную и несовершенную, мы оказываемся бессильными и вновь требуем, идеализируем, отрицаем?»

Еще с весны 1905 года, отмечая раскол в земской среде и нарастание «раздрая» в рядах Московской городской думы, в октябре того же года В.М. Голицын вынужден был признать, наряду с «несостоятельностью правительства», еще и «несостоятельность общества, отсутствие в нем созидательных способностей, сознания положительных идеалов и путей к их осуществлению». Корень проблемы виделся ему в отсутствии «фактического центра» в политической жизни России, «а потому нет опоры ни для правительства, ни для общества»: «Все разбилось, все раздробилось, фактически движение находится в руках революционной партии... Нам, людям умеренным, нечего более делать, кроме удаления в жизнь замкнутую...»

Возлагая ответственность «за разрушение нашей бедной России («в котором все мы, от первого до последнего, виноваты») не только на власть, но и на общественных деятелей, Голицын в то же время разъяснял, что не следует считать это признание раскаянием со стороны своих соратников, «т.е. что либеральничая мы вдруг испугались того, что воспоследовало»: «Мы, либералы-конституционалисты, наоборот, недостаточно смело и

настойчиво действовали и говорили, и главное слишком поздно, а потому торопливо начали свой поход». По его словам, этими «грубейшими, непростительными ошибками искренних либералов и конституционалистов» воспользовались «крайние»: сначала «левые», выхватив дело «из рук настоящих вождей», а впоследствии – «правые» («ради гонения на всякое подобное движение»).

Последним общественно-политическим актом В.М. Голицына на посту московского городского головы стала его реакция на похороны большевика Н.Э. Баумана. Князь не раз высказывался о сложности борьбы с революционным движением, поскольку «с этим последним очень легко смешать политическое, что представляется очень опасным». Возглавляемая им делегация гласных Московской городской думы ходатайствовала перед московским генерал-губернатором П.П. Дурново о том, чтобы полиция и войска не препятствовали проведению похорон. Во время прохождения траурной процессии через центр города сам Голицын и некоторые служащие Думы вышли с непокрытой головой на крыльцо городской Управы. Эта акция была расценена властями как знак солидарности с революционерами.

25 октября 1905 года В.М. Голицын неожиданно для многих подал прошение о сложении с себя обязанностей городского головы (приказ об его увольнении вступил в силу 18 ноября 1905 года). Тяжело переживая оторванность от любимого дела и болезненно реагируя на укоры в «бегстве с поля боя», он называл главные причины нелегко давшегося ему решения. Помимо подрыва нервных и физических сил в течение последнего года работы в Думе, князь указывал на сложившуюся для него тупиковую ситуацию, фактически «вытолкнувшую» его из рядов активных политических деятелей: «Я стоял перед дилеммой: взять в руку красный флаг или сделаться агентом охранного отделения». Для него, всегда руководствовавшегося требованиями высокой нравственности, были неприемлемы новые «правила игры» – необходимость «вступать в известного рода сделки, плыть по течению». Совершенно не способный к подобного рода метаморфозам, Голицын

характеризовал себя в этом смысле как человека, «отставшего от времени». «Нет, не малодушие, не страх, а именно разочарование, обманутые надежды, разрушение идеалов толкнули меня в уединение, в удаление от всего, в замкнутость келейную, отчужденную от всей этой оргии, которая охватила собою все», – отмечал он в дневнике (декабрь 1905 года), приходя к выводу о том, что в беспросветной ситуации «убежище одно – человек сам для себя, его личный, обособленный мир, обставленный всеми сокровищами знания, науки, искусства». При этом Голицын неизменно оберегал себя от другой крайности – «отречения от интересов жизни, от связей с нею, опасности обратиться в мумию бездушную по отношению к современному...»

«Мы теперь очутились в революции и контрреволюции, и столкновение их друг с другом может быть чрезвычайно опасным», – записал В.М. Голицын в дневнике 22 октября 1905 года. Он сомневался в способности С.Ю. Витте («при всем его уме и даровитости») справиться со стоящими перед властью задачами: «Желающих помогать Витте не оказывается, а врагов много, и сплотились они». В ноябре 1905 года возможный выход из создавшейся ситуации виделся ему в том, чтобы «заседающему еще земскому съезду поехать *in cogroge* в Петербург и составить из себя, под председательством Витте, подготовительную Государственную думу, хотя бы только для производства выборов и для успокоения всякого рода движений».

Тогда же, потрясенный расправой над восставшими моряками («ужасные севастопольские события»), Голицын характеризовал положение в стране как «полную анархию» («там вверху совсем потеряли голову»), высказывал солидарность с мнением Д.Н. Шипова о «полной беспрограммности правительства». Осуждая правительство, князь в то же время был настроен весьма самокритично и не раз признавался в дневнике: «Многое, что вижу я теперь, для меня совершенно непонятно... Одни говорят, что начинается умиротворение и усиление власти, другие – что началась анархия и разложение, и обе стороны, быть может, по-своему

правы!» Подчеркивая трудность «распознавания действительных требований жизни», для чего «нужны разум, окрашенный культурой, чувство, освещенное разумом», Голицын, тем не менее, был убежден в необходимости для всех и, прежде всего, для правительства, не «пребывать в иллюзиях», а «прямо и откровенно сказать себе, что начинается новая жизнь, общественная и государственная, наступают новые формы ее, к которым всем следует приспособляться, а не вести с ними бесплодную борьбу...»

«Безрассудность с одной стороны, преступная несостоятельность – с другой», – так характеризовал он события, связанные с вооруженным восстанием в Москве в декабре 1905 года, приходя к выводу о том, что события в Москве «как нельзя лучше сыграли в руку реакционной части высших правительственных сфер, которым не надо искать теперь оправдания для всякого рода репрессий и задержки преобразований, не только предположенных, но даже и объявленных». «Досада берет, когда чувствуешь, свое бессилие чему-либо помочь, в чем-либо принять участие», – записал Голицын 13 января 1906 года.

Откликаясь на уговоры соратников «выйти из затворничества», В.М. Голицын в то же время признавал, что «при общем разладе» партий, кружков и т.д. «трудно что-либо сделать». Констатируя «измельчание партий на кусочки и притом не без участия личных интересов и стремлений», князь считал отсутствие солидарности «одним из признаков недостатка нашей воспитанности гражданской, гуманитарной или общественной»: «Мы основываем коллективные учреждения ради известных целей..., мы расточаем громкие фразы о единении, общности целей, стремлений, интересов, а все же всегда и во всем остаемся чуждыми друг другу... Никому из нас нет никакого дела до другого, пока этот “другой” или эти ”другие” самим нам не нужны для наших индивидуальных нужд и интересов. Равным образом, в деле проведения в жизнь своих политических и социальных идеалов мы все идем врозь». Он обращал внимание на противоречие, лежащее в основе общественной жизни: «Теоретически вполне сознаем, что

единение, братство, согласие должны быть коренным законом для людей в жизни их частной, общественной, народной. Но когда дело идет о практической действительности, мы считаем идею этого единения утопией и все свое бытие – частное, общественное и народное – основываем на борьбе, вражде и соперничестве». «Мастера мы судить, критиковать сделанное другими, даже насмехаться над этим, а создать положительное, свое собственное – этого мы не умеем» – Голицын замечал, что «нигде это так не очевидно, как в деятельности современных политических партий». По его наблюдению, «мы не миримся с мыслью, что прежний строй России исчез навсегда», что придает деятельности партий «какой-то отрицательный характер, ибо одни хотят воскресить мертвое, другие же борются против того же мертвого», а в результате «бесплодные старания, с одной стороны, столь же бесплодная критика и борьба, с другой, не в силах что-либо создать в положительном, реальном смысле». «Наши партии оказываются сильными в отрицании ненавистного или враждебного им, во взаимных пререканиях и т.д. Спрашивается – если которая из нас призвана была бы к власти, что будет? Прежде всего, будет гонение на все, что не подходит под ее понятия..., затем она уперлась бы в стену, которая отделяет ее от беспредельно-широкого поля положительного труда и которую она соорудила сама». В итоге, Голицын приходит к выводу о том, что «правительство и враждебные ему партии одинаково забыли Россию, и все деяния той и другой стороны отодвигают ее назад, подтачивают ее. Благодаря этому вся жизнь ее остановилась и даже пошла назад...»

Оставаясь «беспартийным прогрессистом», В.М. Голицын занял среднюю позицию между крайними флангами русского либерализма (кадетами и октябристами), фактически примкнув к центристскому течению либеральной мысли и практики. Деятелей данного склада отличало особое понимание политики: борьба за власть не являлась для них приоритетом. Они стремились донести до правящих верхов и общества свое видение решения общероссийских проблем, обозначить исключительную значимость в этом

деле науки, образования («партия культуры»), сплотить единомышленников, развернув «над знаменами отдельных партий одно великое знамя русской свободы и законности». Наиболее яркое и последовательное воплощение идеи либерального центризма получили в деятельности партий «демократических реформ», «мирного обновления» и «прогрессистов», и князь В.М. Голицын являлся одной из наиболее крупных фигур в этом лагере.

В начале января 1906 года он поддержал инициативу московских «умеренно-прогрессивных» кругов из числа представителей известных московских предпринимательских династий, деятелей московского городского самоуправления, интеллигенции (А.С. Вишняков, Д.Н. Шипов, кн. Е. и Гр. Трубецкие, Н.Н. Львов, В.А. Бахрушин, А.С. Алексеев, Н.В. Давыдов, А.И. Шамшин и др.) по созданию «партии центра», участвовал в совещаниях (проходивших в т.ч. в его доме), на которых было решено создать «ядро» для будущего «политического центра» в лице Клуба независимых и издаваемой при нем газеты. «Я на это все гляжу, как на последнюю попытку свою в деле общественного сплочения», – записал Голицын 16 января 1906 года, обозначив цель, побудившую его «выйти из уединения». С радостью отмечал он сочувствие многих известию об «организуемом кружке», а «неудовольствие» некоторых расценивал, как свидетельство того, что «кружок попадает в цель». В то же время, сообщения об учредительном собрании Клуба независимых (3 февраля 1906 года) и избрании Голицына президентом Клуба соседствуют на страницах дневника с мыслью об утрате им веры «в возможность сколько-нибудь лучшего в ближайшем будущем». Он выражал сомнение в «состоятельности и успехе всех наших конституционных партий, кружков и прочего, раз вынуждены они действовать среди двухстороннего террора». Поводом для опасений по поводу будущности «политического центра» служили и внутренние разногласия среди лидеров движения: «А как мы любим властвовать над другими и как в каждом из нас запрятан более или менее глубоко – деспот!»

Своей главной целью организаторы Клуба считали консолидацию общества под знаменем конституционно-демократической монархии. Предполагалось, что Клуб послужит вспомогательным учреждением по отношению к уже существующим конституционным партиям, являясь своеобразным «мостиком» между ними. Руководящим принципом деятельности провозглашалась борьба против нарушений конституционной свободы справа и слева: «Мы избираем путь мирного прогресса, конституционной борьбы, конституционного решения социальных вопросов». В основу государственного строя предлагалось положить идею эволюционного демократизма, т.е. постепенного, органического осуществления демократических начал. Приближаясь к программе Конституционно-демократической партии, Клуб считал своей отличительной чертой бóльший реализм политики. Планировалось создание на его базе площадки для разработки вопросов земского и городского самоуправления. Позицию, близкую к общественно-политическому направлению Клуба, занимал «Московский еженедельник» (1906–1908, редактор – кн. Е.Н. Трубецкой). Деятельность Клуба подвергалась преследованиям со стороны администрации (запрет собраний, «идейно-нелепое неутверждение» Устава под предлогом «усмотрения в нем потрясения основ» и т.п.). Клуб просуществовал до весны 1908 года, способствуя консолидации «беспартийных прогрессистов», и был ликвидирован по решению учредителей.

Несмотря на преобладание пессимистичного настроения, В.М. Голицын приветствовал обнадеживающие «проблески зари новой эры». «Историческим днем» князь называл начало работы Первой Думы. В связи с этим, он считал «крупным промахом правительства» его отказ от объявления политической амнистии («чиновники не поняли, как этим они скомпрометировали Государя»). «Что за слепота там! Что за ничтожество сам-то!» – реагировал Голицын на отказ царя принять депутацию Думы с ответным адресом на тронную речь. С тревогой он наблюдал за реакцией

Думы на декларацию правительства от 13 мая 1906 года, возлагал надежду на «новое министерство» с участием народных представителей. «Положение таково, что выхода никакого не видишь, кроме честной и добросовестной политики правительства, но на это пока надеяться трудно», – беспокойство за судьбу страны в тот период перемежалось в дневнике с серьезным беспокойством за будущее семьи, в связи с волнениями крестьян в их имении в Тульской губернии, в ходе которых самому Голицыну лично пришлось участвовать в урегулировании конфликта (хотя не обошлось без вызова «драгун» для наведения порядка). В конце июня он отмечал опасную тенденцию («разочарование Думой»), таившую угрозу «водворения либо правительственной, либо революционной реакции». Несмотря на «антиконституционный шаг» Думы («непосредственное обращение к народу»), Голицын был поражен известием о роспуске нижней палаты, характеризуя Высочайший манифест 9 июля 1906 года, как «набор пустых фраз и бестактных выражений». Решение правительства отложить созыв очередной Думы до февраля 1907 года он называл «глупостью», которая не может пройти «мирно и безнаказанно...»

«Пошли опять репрессии, гонения, аресты, словом – восстановление прежнего режима, который так плодотворен был для нас и так умел обеспечить личность и собственность», – с грустной иронией бывший московский городской голова в который раз проводил мысль о бесполезности «всякого рода охран». С негодованием реагировал он на распространенное мнение, согласно которому «нам нужна сильная власть»: «Нет, не власть нужна. А нужны головы, которые умели бы руководить этою властью, а их-то у нас нет, и вдобавок ни в каком лагере». В конечном итоге, последствием «безумного режима, так преступно проявившегося по отношению к Первой Думе», Голицын считал и приход к власти большевиков в 1917 году. «Если бы послушались 1-й Государственной думы и пошли по указанному ею пути, мы не видели бы того, что теперь происходит», – записал он в дневнике 16 ноября 1917 года.

Голицын считал ошибочным подписание Выборгского воззвания бывшими членами Первой Думы, поскольку тем самым они дали повод к устранению их от будущих выборов: «Как однако мало в нас истинно-государственного ума, даже в лучших людях!» Впоследствии он характеризовал судебный процесс над «выборжцами» как «торжество петербургского чиновничества над лучшими людьми России, над идеей правды и свободы». После роспуска Первой Думы, приветствуя в очередной раз слухи о привлечении в правительство общественных деятелей (гр. П.А. Гейден, М.А. Стахович, Н.Н. Львов и др.), Голицын вместе с тем слабо верил в «успешность их миссии»: «На первых порах им представится дилемма: вступить в борьбу либо с обществом, стремящимся к свободе, либо со “сферами”, отрицающими эту свободу, и эта дилемма парализует их деятельность».

Под впечатлением «ужасного покушения на министра Столыпина» 12 августа 1906 года Голицын вновь выражал категорическое неприятие террора, убежденность в том, что «фанатизм какого бы то ни было рода и как бы и в чем бы ни проявлялся он, есть уродство, безумие, даже преступность». «Нельзя не удивляться тому, что у нас как-будто не видят истину, где-то так прекрасно высказанную Толстым, – истину, по существу своему неопровержимую и всецело подтверждаемую историей, – что насилие никогда не побеждает зло..., оно всегда бессильно в области положительных идеалов и не только в смысле борьбы со злом, но и в насаждении блага», – заявлял он.

В.М. Голицын отмечал характерную черту общественной атмосферы в период после роспуска Первой Думы – утрату веры в будущее многими современниками, «разрыв между монархией и народом»: «Если народ и боготворит царя, то только как отвлеченную идею, а не как носителя власти». Он не видел ничего удивительного в том, что «общество, народ враждебно настроены по отношению к правительству»: «А что оно делало в течение 40 лет, кроме давления, стеснения, эксплуатации всякого рода и приключений в

виде войны?.. Как же могла на этом создаться привязанность к правительству?»

Трезво оценивая слабые шансы на успех своих соратников – умеренных либералов (прогрессистов), Голицын в октябре 1906 года продолжал посещать внепартийные совещания с целью образования «конституционного центра», проходившие у Д.Н. Шипова при участии гр. П.А. Гейдена, кн. Е. и Гр. Трубецких, Н.Н. и Г.Е. Львовых, М.А. Стаховича, Н.А. Котляревского, А.А. Кауфмана, П.Б. Струве и др. В очередной раз он связывал осуществление своей «заветной мечты» («образование центра, на который может опереться настоящее правительство») с «объединением всех прогрессивных партий» в период избирательной кампании во Вторую Думу. Возмущаясь препятствиями, «чинимыми правительством делу выборов», Голицын восклицал: «Чего они хотят? И неужели новая, неизбежная победа левых не раскроет глаза кому следует?» В преддверии начала работы Второй Думы он сетовал на то, что «ничего положительного не видно»: «Программы нет ни у правительства, ни у партий, хотя слов тратится много. Если правительство думает, что его программа – сохранение status quo, ему придется разочароваться». Сравнивая общественные настроения накануне открытия 1-й и 2-й Думы, Голицын приходил к выводу: «Тогда были надежды, теперь – страх», поскольку «банкротство, экономическое, политическое и всякое иное – неизбежно». «Добились-таки! Как ни виноватые многие из наших депутатов, как ни безрассудны были они, а все же шаг этот ошибочен по существу своему», – отреагировал он на Манифест 3 июня 1907 года о роспуске Второй Думы.

Некоторую надежду вселяла в В.М. Голицына его искренняя вера православного христианина, присущее ему, несмотря ни на что, чувство исторического оптимизма: «Сколько бы ни пережил и ни переиспытал человек на всем пути житейском..., а эта вера в будущее, вера в то, что в жизни всегда все ведется к лучшему – великое, богатое сокровище души, и жалок тот, кто так или иначе утрачивает ее». Провиденциализм Голицына

сочетался в нем с убеждением в необходимости продолжать несмотря ни на что целенаправленные усилия по сплочению единомышленников.

«Выборы мне не понравились: преобладают по губерниям октябристы, которых подлежало бы называть оппортунистами. С ними далеко не уйдешь и созидательного ничего они не представляют»; «читал список депутатов и пожимал плечами: ни одного нет имени, которое внушало бы надежду на крупную роль, – знаменательный симптом современной нашей общественной жизни», – записывал Голицын впечатления от избирательной кампании в Третью Думу. «Сегодня открывается Дума, третья по счету и, кажется, и по качеству»; «нет, эта Дума – не представительница России», – резюмировал он свои наблюдения, предвидя что обеспечена «только отсрочка конечной катастрофы».

Обозначая историческую развилку, на которой находилась Россия в период Третьей Думы («эпоху мрачной реакции и шулерства»), Голицын замечал, от лица «умеренных и здравых элементов»: «Для нас выбора нет. Или конституция, четкая, полная, откровенная, или революция, но такая, с которой нельзя будет бороться». В конце 1907 года князь считал проблеском надежды на лучшее известие о «крупной роли в Думе мирнообновленцев», сообщенное ему Д.Н. Шиповым. «Прискорбно то, что настоящего руководителя у них нет», – записал он по этому поводу 7 декабря 1907 года, вскоре отметив, что «вокруг Партии мирного обновления» в Государственной думе и Государственном совете происходит «что-то похожее на образование центров» («притом эти центры сплываются друг с другом»).

В конце 1907 – начале 1908 годов Голицын посещал собрания Партии мирного обновления (проводились у Д.Н. Шипова, а также в Художественном клубе, при участии кн. Гр. и Е.Н. Трубецких, Вишнякова, Коновалова, Четверикова, Ефремова, Н.Н. Львова и др.), где высказывалась мысль о «неизбежности катастрофы, благодаря ослеплению высших сфер и реакции», обсуждалось «положение партии в Думе» и дальнейшая тактика

«мирнообновленцев». С пометой «политическая исповедь» тогда же он изложил в дневнике суть своего взгляда на события в стране: «Вот уже скоро четыре года, что вступили мы в период революции, и конца не видно, но видно вполне очень, что ее нельзя ни отворотить репрессиями, ни ускорить... Удивительно то, что одна сторона считает этот кризис, эту «крамолу» мимолетною смутой, с которою легко справиться, а другая видит в строе, против которого она борется, нечто настолько сгнившее, что одного щелчка довольно, чтобы он разрушился и чтобы настал золотой век. Были минуты, когда можно было разрешить кризис (речь идет об осени 1904 года. – Н. Х), но крайние левые умнее и решительнее действовали и сели на шею умеренным и разумным, и этим вызвали реакцию с обратной стороны, что мы теперь и видим. Если снова восторжествуют конституционалисты, повторится опять то же. Выход из этого заколдованного круга один – переворот. И идем же мы к нему, идем быстро, сами подготавливая ему путь произволом власти, разорением, алкоголизмом и проч. Я поражен тем, как мало сознают это у нас, как не видят грядущего, неизбежного и неотвратимого».

Развивая мысль о грозящей России «неизбежной катастрофе», Голицын указывал на невозможность предугадать, «в какой форме она воспоследует», но отмечал «неотвратимое»: «раскол между правительством и обществом, т.е. образованною его частью дойдет до полного обессиления первого и отвержения второго. Вследствие этого выступит третья сила, т.е. массы, народ, и выдвинется она на первый план. В этом репрессиями ничего не поделаешь, еще менее реакцией». Анализируя ситуацию, Голицын еще в 1908 году приходил к выводу о том, что «существующий у нас режим ведет... к извращению всего, к анархии, и что проводники и носители его действуют исключительно из чувства самосохранения». В то же время, «союзником и пособником их является само общество, впавшее в апатию, оробевшее, смутившееся воображаемыми призраками, сбитое с толку и не знающее, за что ему ухватиться». В этих условиях князь не только «потерял

веру в достижение – по крайней мере скорое – своих конституционных идеалов», но и предупреждал о последствиях «глухой борьбы» между обществом и правительством («неумелой с той и другой стороны») – «выходе наружу самых вредных элементов общества, всяких проходимцев», которые могут «наделать таких дел, что не опомнишься: найдись теперь предприимчивый человек, и он повернет все вверх дном»; «на почве разлагающейся, деморализованной ничего создать нельзя, и элементам революционным, с одной стороны, хулиганским – с другой, будет, где себя показать. Удивляюсь я тому, что никто, по-видимому, об этом не помышляет».

В начале 1909 года, предвидя «в близком будущем нашествие немцев», В.М. Голицын предрекал в результате этого «полный наш разгром» и вновь делился в дневнике предчувствием: «Неужели останется только революционный путь для спасения?». При этом, по его мнению, «безумная реакция» приведет «не к революции в общепринятом смысле этого слова, ибо мы и для этого показали полнейшую свою несостоятельность, а последует постепенное, но быстрое гниение, которое кончится внезапным падением... – как падает здание на деревянных столбах, когда столбы эти подгнили».

В 1909 году, в связи со слухами «о готовившемся дворцовом перевороте» («этого еще не доставало!»), Голицын не видел в этом «ничего неправдоподобного», поскольку «трудно описать, до чего выросло за это последнее время общее разложение – в правительстве, в обществе, в партиях», а «обычная фраза, сама по себе довольно-таки пошлая, что «так продолжаться не может», теперь имеет глубокий смысл, как нельзя лучше характеризующий переживаемое время» и указывающий на то, что «исхода этого мы не увидим, пока не изменится режим...»

В апреле 1909 года В.М. Голицын «с захватывающим интересом» следил за событиями в Турции, где младотуркам удалось свергнуть султана Абдул-Хамида II, а в начале июля 1909-го – за событиями в Иране, где был низложен шах Мухаммед-Али, к власти пришло либерально настроенное

правительство и была восстановлена конституция («как это поучительно для тех, кто нарушает ими же данную конституцию, и как это показывает, что конституция, как бы несовершенна она ни была, все же выше всякой, самой даже неограниченной, власти»). В июле 1909 года еще одним («четвертым по счету», считая в т.ч. более ранние события в Португалии) «доказательством того, что конституцию нельзя безнаказанно нарушать, как бы ни казались основательными поводы к тому», князь считал «крупные события вроде всеобщего восстания» в Испании («трон зашатался»). «Происходящее в Испании еще раз доказывает, что при правильной конституции народ высказывается через представительство, а при отсутствии такового это делается на баррикадах», – констатировал Голицын.

Размышляя над упомянутыми зарубежными событиями, В.М. Голицын, с одной стороны, склонен был считать их «примером, достойным подражания и у нас» («одного щелчка, но умелого и искусного, довольно, чтобы ненавистный режим наш рухнул»). Вместе с тем, он вполне осознавал серьезную преграду на пути переустройства России: «Вся беда – наша некультурность!». При этом, по его словам, «правительство всеми мерами старается затормозить стремление людей к культуре и просвещению, прикрываясь, однако, громкими, но лживыми фразами, ибо оно понимает, что с просвещенными массами народа ему не справиться». Отсюда – колебания в настроении Голицына: оптимизм, вера в возможность устройства жизни в России «на началах правды и свободы», зачастую сменялись чувством безысходности. «Когда же дорастем мы до сознания, что народное образование, просвещение, культура есть самая жизнь народа, ее сущность?» – с болью в душе Голицын не раз задавался риторическим вопросом. Особую тревогу у него вызывали такие российские проблемы, как правовой нигилизм; «полный застой у нас знания, науки, просвещения, прогресса» под влиянием революции («все свелось у нас к полемике, даже к пасквилю, к “платформам” и партийным вопросам и интересам»); распространенное в массах отрицание ценности образования и культуры («отцы наши прожили

без знания, так и мы благополучно проживем без него»); отсутствие кадров для государственной и общественной службы, которые отвечали бы требованиям современности («наши государственные ”мужи” по большей части люди, случайно попавшие на ту или другую должность и заботящиеся прежде всего об этой должности и о сохранении ее, а не о деле, которое с нею сопряжено»); «ничем не разобьешь слепоту государственных ”мужей”, всегда думающих, что Россия для них, а не они для России»; «люди моего поколения вовсе непригодны к какому-либо плодотворному, созидательному труду, у нас не хватает умения приложить к делу свои руки, и мы ограничиваемся рассуждениями о нем..., да и в молодежи что-то мало видно обещающего...» «Целое поколение – а может быть два или три – должно отжить и исчезнуть, должно уступить место другому, более состоятельному и иначе развитому, дабы достигнуто было усовершенствование жизни вообще, о котором лучшие умы мечтают».

«Я больше не верю в политический прогресс у нас, в достижение идеала строя, по крайней мере, в скором времени, пока мы не перевоспитаем себя коренным образом», – выступая с подобным признанием в 1908 году, он предлагал начинать «с развития самодеятельности, как в обществе, так и в личности», «напрячь все свои силы на образование в самом широком смысле этого слова», поскольку «это – единственный путь для приготовления будущего и – скажу даже – для спасения. Всякие иные задачи помимо этой бесцельны».

«Что за ничтожество наша политика рядом с наукой, со знанием! – эта мысль постоянно звучала на страницах дневника Голицына. – А мы, пигмеи, увлекаемся ею, воображая, что эта политика должна чему-то служить, что-то одушевлять, быть даже конечною целью всякого человеческого труда. Пора бы отказаться от подобных взглядов, пора бы выбросить политику за борт ради знания и саморазвития, ради культуры своей собственной и общей. Только во всеоружии этой культуры можно людям властвовать и над политикой». Вызвать в народе «стремление к свету знания, к культуре,

искать пути к удовлетворению его», – в этом Голицын видел «громадную задачу» наших «лучших людей». Важным условием успеха в этом деле он считал, наряду с обеспечением широкого доступа к образованию, внедрение в массовое сознание мысли о единстве науки и жизни («наука без связей с жизнью есть отвлеченность, а жизнь без науки не жизнь»), а также преодоление внутреннего сопротивления среды (причем не только в крестьянстве) распространению просвещения: «Печально не отсутствие самого знания, недостаточность его, а отсутствие сознания потребности его, Общество, несущее это в себе, обречено на бессилие». «Культ науки, знания» должен служить у нас основой жизни как частной, так и общей, – развивая этот тезис, князь ссылался на опыт англичан, немцев и французов, занявших «первое место в области науки, мысли, художества» исключительно благодаря постановке во главу угла «культуры, зиждущейся на самобытном сознании и на свободе мысли и труда». Убежденный в том, что без широкого развития культуры, науки и образования у России нет будущего, он одно время всерьез обдумывал проект создания в России «вместо политических партий, союзов, кружков» «всероссийского союза или общества во имя развития знания, просвещения, культуры» – причем как организации «в самых широких размерах, с самой обширной программой и без примеси политики».

Увлеченный идеей популяризации историко-научного наследия, В.М. Голицын с конца 1907 года занимался созданием на базе Политехнического музея в Москве издательского центра по выпуску научно-популярных журналов (по аналогии с западноевропейским опытом). Обосновывая актуальность данного проекта, он особо подчеркивал спасительную роль «света благого просвещения в смутные времена». «Наука – единое и верное убежище, никогда не обманывающее», – делился он собственным опытом.

«Нечего надеяться на правительство, которое думает только о себе и о своей сохранности, на Думу, которая показала свою несостоятельность в творчестве, на общество, которое отреклось от каких бы то ни было

идеалов», – заявлял Голицын, делая ставку на «завоевание свободы и света снизу». Отводя от себя подозрения в призыве к революции, он разъяснял, что имеет в виду «упорядочение и развитие местной жизни, ее органов и элементов, развитие самостоятельности в их деятельности, а главное – просвещение в самом широком смысле этого слова». По его мнению, для реализации данной перспективы надлежало «слиться воедино всем нашим культурным силам, всем людям науки ради совместного труда». «Но, окидывая взором окружающее, современное, говорю я себе – какой это далекий идеал, настолько далекий, что не решаешься верить в его осуществимость», – приходил Голицын к неутешительному выводу в 1909 году, и впоследствии не находя оснований для оптимизма.

Подобный настрой был характерен тогда и для его надежд на утверждение в России конституционных начал. «Обидно мне думать, что вряд ли доживу я до того дня, когда снова произойдет рассвет свободы, света и обновления. А рассвет этот будет, как завтра будет рассвет дня – я в этом твердо уверен, несмотря на то, что с каждым днем все более кажется, что заря этого благодатного дня все удаляется». Сохраняя веру в то, что «в жизни всегда все ведется к лучшему», Голицын продолжал поддерживать объединительные тенденции в рядах либеральной оппозиции. В 1912 году он был избран членом московского комитета Партии прогрессистов. Фактически реализацией давней мечты Голицына и других либералов-центристов (о создании «конституционного центра») явилось образование в августе 1915 года Прогрессивного блока в IV Думе.

По воспоминаниям С.М. Голицына, внука Владимира Михайловича, его дед, в канун свержения самодержавия «предвидел куда приведет бессмысленная политика царских министров, и, как истинный патриот, глубоко страдал, чувствуя свое бессилие изменить что-либо». Трактую революционные события 1917 года, как «естественный плод нашего многолетнего режима», В.М. Голицын летом того года отмечал закономерность: «Наша хваленая монархия создала революцию, а революция

готова создать диктатуру!» При этом он считал бесперспективным поиск виновников: «Все мы одинаково виноваты, но и все оказались одинаково слепыми и бессознательными орудиями рока, в том числе и Николай». Он обращал внимание на созвучие старых мыслей Гизо ситуации в России: «Много зла наделало то, что под понятием о свободе подразумевалась революция, а под понятием о порядке – деспотизм и произвол... Действительно, мы свергли иго проклятого режима и завоевали свободу, но по уши увязли в революционной анархии, обманывая или теша себя громким словом “свобода”, а многие из тех, кто это сознает, кто сокрушается о ”разрухе” всякого рода и втайне мечтает о восстановлении порядка, очень склонны видеть этот порядок в образе городского, государственная и общественная роль которого состоит только в том, чтобы ”тащить и не пущать”. Между тем, история и опыт с неумолимой логикой оправдывают такое смешение понятий, а именно: революция в крайнем своем развитии всегда приводит к диктатуре, то есть к деспотизму одного и к произволу его приспешников, а деспотизм и произвол, возведенные в систему и не знающие ни ограничений, ни ответственности – каково было наше самодержавие, – неизбежно ведут к революции. Это мы и видим и дальнейшее тоже увидим у себя».

Под впечатлением от событий 1917 года, В.М. Голицын убежденно заявлял: «Прелести старого режима и затопившей его анархии в равной степени доказывают нам, как были мы правы, всеми силами стремясь к правовому строю. Это был единственный путь к спасению от бесшабашного произвола первого, так и от неотъемлемого его продукта, разрушительного легкомыслия второй. Никто не скажет, что из обоих зол лучше. Разве сказать, что обе хуже друг друга. Но до чего же оба лагеря были и доселе остаются слепы: монархический, выдавший в конституции посягательство на самые устои монархии и ставивший сторонников ее на одну доску с революционерами, и анархический, считающий конституцию буржуазным измышлением, а сторонников ее – своими врагами, не понимающими ни

роли, ни потребностей народа, то есть пролетариата. А не слепы ли были и мы, конституционалисты, не видевшие, насколько анархизм был зрел, широко распространен и организован? Но вот что меня крайне удивляет: в обоих лагерях словно одинаково забыта Россия, а на первом плане стоят интересы классовые, партийные и личные».

Продолжая до конца жизни оставаться «искренним поклонником и служителем правового строя», В.М. Голицын в 1917 году был временами близок к «печальному разочарованию»: «Всё совершившееся у нас за последние двенадцать лет сделало то, что я готов счесть русский народ не заслуживающим такого строя... и предназначенным остаться навеки под игом и в состоянии рабства. Сначала было иго царского режима и его темных сил, теперь иго толпы и кучки случайных людей-пролетариев, а потом иго либо одного диктатора, либо другого народа, вражеского или союзного, который наложит на нас свою руку, и не военной силой, а мирным порабощением. Сказать надо, что это логика вещей. Как яблоня производит яблоки, так беспринципный, бездушный и безнравственный народ производит анархию или отдает себя в чужие руки». Незадолго до большевистского переворота он констатировал «всеобщий развал»: «Россия уже перестала быть государством, а русские – народом. Как не грешат нынешние революционные деятели, а виновник сего – Николай и его предки».

По мнению Голицына, приход к власти Ленина и его соратников означал начало гражданской войны в России. «Борьба «кланов – буржуазии и пролетариата», взамен общественной солидарности («коллективной культурности, двигающей группы, общество, массы на одну и ту же общую для всех работу по строительству»), «непонимание народных и государственных задач», – эти явления Голицын считал плодом «нашей некультурности..., рабства крепостного состояния, темноты, в которых так долго пребывали мы». «Часто слышатся у нас сетования на то, что мы мало заботимся об образовании или подъеме культуры “простого” народа,

ограничивались обучением его грамоте и катехизису. Относится ли это только к “простому” народу? А сами-то мы учимся ли быть людьми, работниками над потребностями времени и жизни?» – делился Голицын грустными размышлениями по поводу «несостоятельности наших лучших людей».

Единственным, «бесспорно, благодетельным и многообещающим результатом нашей анархии» он считал «идею о федерализме», в поддержку которой выступал в дневнике задолго до большевистского переворота. В начале 1918 года, подчеркивая неизбежность создания в России федеративного строя, Голицын рассматривал это, как «единственное надежное средство избежать расчленения национального или географического». В то же время, князь указывал на сложность реализации этого принципа: «Самоопределение народа и создание им своего государственного строя – бесспорная истина. Но как осуществлять ее на практике? Народные плебисциты – путь трудный и громоздкий, а выборы всюду – и у нас больше, чем где-либо, – дело случайности и злоупотреблений».

В январе 1932 года, незадолго до своего ухода из жизни, отвечая на вопрос о том, «какова дальнейшая судьба России и будет ли когда-нибудь ликвидирован советский режим?», Голицын оставил своего рода «предсказание»: «Режим этот не обладает созидательными способностями..., поэтому его падение воспоследует силой инерции, под собственной тяжестью, то есть непригодностью к реальному окружающему его миру... А что падение это рано или поздно совершится, в этом я ни минуты не сомневаюсь... Но каково будет его преобразование в другой, более отвечающий требованиям времени? Этого теперь никто сказать не может. Лично я думаю, что возникнет диктатура, но не коллективная..., а диктатура личности, наподобие того, как это было с Наполеоном после его побед в Италии и Египте».

К этому времени сам Голицын и члены его семьи, как «социально чуждые элементы» сполна испытали на себе «прелести» новой власти. После 1917 года последовала череда арестов, прервавшаяся на время лишь после личной встречи в 1918 году бывшего князя с председателем исполкома Моссовета Л.Б. Каменевым, в результате которой Владимир Михайлович получил (в память его заслуг перед москвичами, а также в знак признания его сочувствия к политическим заключенным в бытность московским городским головой) своего рода «охранную грамоту».

Однако в силу общей ситуации, стремительно менявшейся к худшему в отношении т.наз. «бывших», в 1929 году В.М. Голицын был лишен избирательных прав и выселен с семьей из столицы, жил в Сергиевом Посаде, с 1931 года – в Дмитрове, с семьей сына Михаила. Наряду с огромным дневником (более 30 томов записей), его литературное наследие включает в себя обширные мемуары, ныне частично опубликованные.

В.М. Голицын скончался 29 февраля 1932 года и был похоронен в селе Подлипечье под Дмитровом, на местном кладбище возле Церкви Казанской Иконы Божией Матери. Его могила не сохранилась.